

94/100/082)

Д 70

**ДОСЛІДЖЕННЯ І РОЗВІДКИ
З ВСЕСВІТНЬОЇ ІСТОРІЇ ТА
ПРАВОНАВСТВА**

Випуск 4

КАМЧУГОВА И.Д.
*профессор, доктор
 исторических наук*

БИБЛЕЙСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ А.С. ПУШКИНА

Библия, ее сюжеты, образы, фразеология занимали важное место в творчестве А.С. Пушкина. И это далеко не случайно. В православно-христианской России изучение Священного Писания было обязательным. Оно имело широкое распространение в обществе, во всех его слоях, оказывало значительное влияние на мировоззрение живущих, на культуру.

С принятием христианства и с появлением церковнославянского варианта Библии в язык стали проникать, обогащая его, библейская лексика и фразеология. Их принято называть библеизмами. Они входят в лексику многих народов и, следовательно, их можно считать интернациональными. От своего источника — Библии — библеизмы заимствовали такие свойства, как наличие широкого ассоциативного поля, эмоциональность, образность.

А.С. Пушкин высоко ценил Библию. Свидетельство этому — воспоминание фрейлины императрицы Александры Федоровны А.О. Смирновой (уроженной Россет). Пушкин был постоянным посетителем ее литературного салона, ценил ее как тонкого знатока поэзии, литературы, искусства, доверял ей сокровенные мысли. Александра Осиповна со слов Пушкина записала следующее: «Я читал Библию от доски до доски в Михайловском, когда находился там в ссылке, читал даже некоторые главы Ариэ, но и ранее я много читал Евангелие» [6, 20]. И еще одно весьма значимое свидетельство: «Глинка рассказал мне, что он раз застал его (Пушкина) с Евангелием в руках, причем Пушкин сказал ему: «Вот единственная книга в мире: в ней есть все» [6, 60].

Свое отношение к Евангелию А.С. Пушкин ярко, эмоционально выразил в написанном им предисловии к вышедшей в Петербурге книге итальянца Сильвио Пеллико «Об обязанностях человека»: «Есть книга, коей каждое слово истолковано, объяснено, проповедано во всех концах земли, применено ко всевозможным обстоятельствам жизни и происшествиям мира,

из коей нельзя повторить, ни единого выражения, которого бы не знали все наизусть, которое не было бы уже пословицею народов, она не заключает уже для нас ничего неизвестного, но книга сия называется Евангелием, - и такова ее вечно новая прелесть, что если мы, пресыщенные миром или удрученные унынием, случайно откроем ее, то уже не в силах противиться ее сладкому увлечению и погружаемся духом в ее божественное красноречие» [5, Т.7, 470.].

Библия, без сомнения, помогала великому поэту в философском осмыслении духовных ценностей и идеалов, что не могло не отразиться на его творчестве.

В 1826 году А.С. Пушкин пишет программное стихотворение «Пророк». В его основе – библейский сюжет, связанный с видением пророка Исайи [Исайя; 6: 6-7]. Использованы образы серафима, пылающего огня. Насыщенность «Пророка» старославянизмами придает произведению суровое, патетическое звучание. А.О. Смирнова-Рассет записала следующее. По словам Пушкина, он ездил в монастырь Святые Горы, чтобы отслужить панихиду по Петру Великому. На столе лежала открытая Библия. И далее: «Я прочел отрывок, который перефразировал в Пророке. Он меня внезапно поразил, он меня преследовал несколько дней, и раз ночью я написал свое стихотворение. Я встал, чтобы написать его, мне кажется, что стихи эти я видел во сне» [6, 20].

«Пророка» А.С. Пушкин создает в тяжелый период своей жизни, наполненный раздумьями о трагической участи своих друзей-декабристов. Библейские мотивы, библейская символика приобретают у Пушкина ярко выраженное политическое звучание. Образ поэта-пророка продолжает и развивает традиции декабристов. В их произведениях образ библейского Пророка имел аллегорический смысл, ассоциировался с образом поэта-гражданина, который подобно Пророку, смог бы выступать прорицателем будущего, глашатаем истины, смелым обличителем общественного зла.

Явление шестикрылого серафима помогает чудесному превращению поэта в пророка. Поэт получает могущественную способность постигать сокровенные тайны бытия, обретает дар мудрого всеведения. Внутренним взором он способен постичь

горные высоты и подводные глубины, слышать, как плывут морские чудовища, внимать едва уловимому росту лозы. Через ряд мучительных превращений приходит обретение истины. Взамен «грешного языка», «празднословного и лукавого» в уста пророка вложено «жалю мудрыя змеи», вместо сердца в его «грудь отверстую» и водвигнут «уголь, пылающий огнем». Теперь его жизненное предназначение – «глаголом жечь сердца людей». Неистовая страстность, ораторская патетика, эмоциональная напряженность стихотворения посвящены великому гражданскому предназначению поэта и поэзии.

Динамизм, патетика, порыв нести людям правду четко прослеживаются в таком произведении как «Подражания Корану» (1824). Это роднит его с «Пророком».

*Мужайся ж, презирай обман,
Стезю правды бодро следуй,
Люби сирот и мой Коран
Дрожащей твари проповедуй.*

Эмоциональная напряженность, мотив нравственного перерождения, патетика присущи и стихотворению «В часы забавиль праздной скуки...». Однако здесь образ пророка сужается до обращения к конкретному лицу – митрополиту Филарету.

В творениях Пушкина многие библейские образы и библеизмы приобретают оригинальное авторское трактование, что придает им свежесть восприятия. Например, читаем в «Евгении Онегине»:

*О люди! Все похожи вы
На прародительницу Еву:
Что вам дано, то не влечет,
Вас непрестанно змий зовет
К себе, к таинственному древу,
Запретный плод вам подавай,
А без него вам рай не рай.*

Библейские мотивы обогащали творчество поэта. В них всегда преобладали добро и справедливость, обличались зло и пороки. Борьба со злом выглядит гармонично, вдохновляюще.

В 1830 году в Болдине Пушкин пишет несколько небольших драматических произведений – «Маленькие трагедии». В них он обличает низменные человеческие страсти, развенчанные

Библией: зависть, гордыню, похоть, чревоугодие, скупость, гнев. Они лишают человека поиска истины, добра, гармонии, радости наслаждения. Такой человек глух душой, ему недоступны красоты окружающей жизни. Пушкинское определение «Да, жалок тот, в ком совесть нечиста» - эти слова нравственной чистоты и разума.

В «Маленьких трагедиях» в предельно сжатой форме передано исключительно большое содержание. Гениально выписаны характеры, дается глубокий психологический анализ человеческой души, охваченной всепоглощающей, разрушительной страстью. Однако носители этих страстей – натуры незаурядные. Их отличают большой ум, талант, огромная сила воли. Эти образы подлинно трагичны. Владеющие ими эгоистические страсти приводят их на путь злодейства, преступления.

Как страшная, зловещая фигура предстает Скупой рыцарь. Он достигает своего бесплодного могущества страшной ценой «слез, крови и пота» людей. Он признает лишь власть денег, мечтает о власти над всем миром.

В «Скупом рыцаре» используется библейский образ всемирного потопа:

*Да! Если бы все слезы, кровь и пот,
Пролитые за все, что здесь хранится,
Из недр земных все выступили вдруг,
То был бы вновь поток – я захлебнулся б
В моих подвалах верных.*

Пораженный библейскими грехами – скупость, гордыня, гнев – Скупой рыцарь превращается в никому ненужное омерзительное существо, а его могущество бесплодно и тлетворно.

«Моцарт и Сальери» развенчивает такие низменные человеческие грехи как зависть, гордыня. Сальери завистлив. Он не любит людей, не способен нести окружающим любовь и добро, как учит тому Библия. Сальери фигура незаурядная. Он страстно любит музыку, совершаемое им убийство оправдывает тем, что оно совершается во имя спасения самого искусства. Моцарт – символ самой музыки. Он простодушен и откровенен. Не только не сопротивляется злодейству, не уклоняется от него, но даже как бы устремляется к нему навстречу, как судьбе, принимая из рук убийцы смертоносную чашу. Пушкин, развенчивая пороки,

присущие Сальери, утверждает великую истину: в своем существовании гений беззащитен, но он противостоит злу в вечности [7, 9].

Библия осуждает похоть как один из грехов. Дон Жуан не только безнравственен. Он приносит боль и бесчестье поверившим ему женщинам. Он не может быть принят в человеческое общество, живущее по заветам Библии. Его гибель неизбежна.

«Пир во время чумы» состоит всего из одной сцены. Это произведение можно соотнести с известным библейским изречением «Валтасаров пир» - легкомысленные развлечения, буйное веселье во время какого-то бедствия. Похоть, чревоугодие Пушкин развенчивает с огромной силой эмоционального воздействия.

Поэтически осмысливая человеческие грехи в «Маленьких трагедиях», опираясь на библейские заповеди, Пушкин пробуждал добрые чувства к ближнему, учил человечности.

Библейские мотивы, библеизмы Пушкин использует изобретательно, нестандартно. Об этом, в частности, свидетельствуют его письма.

22 марта 1821 года из Кишинева он пишет А.А.Дельвигу в Петербург: «Ты все тот же талант прекрасный и ленивый. Напиши поэму славную ... напиши своего «Монаха». Поэзия мрачная, богатырская, сильная, байроническая – твой истинный удел – умертви в себе ветхого человека – не убивай вдохновенного поэта». Здесь использовано фразеологическое сочетание «ветхий человек» - Адам. В данном контексте оно звучит как «заурядный человек».

На основе общеизвестных библеизмов Пушкин создает оригинальные авторские обороты – индивидуальные, емкие, выразительные. В Библии читаем, например: «Воздадите кесарево кесарю ... (церковно-славянской, по-русски: кесарево кесарю) [Мат., 22: 21]. У поэта этот библеизм звучит следующим образом: «Но какова наша цензура? Признаюсь, никак не ожидал от нее таких больших успехов в эстетике ... Конечно, иные скажут, что эстетика не ее дело, что она должна воздавать кесарево кесарю, а Гнедечиве Гнедечу, но мало ли что говорят». (Из письма Н.И.Гнедичу 27 июня 1822 года, из Кишинева в Петербург).

20 декабря 1823 года поэт пишет из Одессы П.А.Вяземскому в Москву: «Я жду «Полярной звезды» в надежде видеть тебя распечатаного... Печатай скорее, не ради славы прошу, а ради Мамона». Привлечено библейское выражение «служить Богу и Мамоне» [Мат., 6: 24]. Выражение означает ради денег, ради заработка.

В письме А.А.Бестужеву из Михайловского в Петербург в январе 1825 года Пушкин остроумно использует известное библейское словосочетание «метать бисер перед свиньями». «А знаешь ли, что такое Чацкий? Пылкий, благородный и добрый малый, прошедший несколько времени с очень умным человеком (именно с Грибоедовым) и напитавшийся его мыслями, остроумиями и сатирическими замечаниями. Все, что говорит он, очень умно. Но кому говорит он все это? Фамусову? Скалозубову? На бале московским бабушкам? Молчалину? Это непростительно. Первый признак умного человека – с первого взгляда узнать, с кем имеешь дело и не метать бисера перед Репетиловыми и тому подобными». Авторская конструкция библеизма придает строкам особую выразительность.

В письме Н.Н.Пушкиной 28 апреля 1834 года из Петербурга в Москву поэт использует слова из молитвы, которая обычно произносится, чтобы отвратить чей-то гнев, избежать ссоры: «Боюсь ужасно для тебя семейных сцен. Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его!».

Из письма Н.Н.Пушкиной 26 июля 1834 года: «Пожалуйста, не сердись на меня за то, что я медлю к тебе явиться. Право, душа просит, да мощна не велит. Я работаю до низложения риз. Держу корректуру двух томов вдруг, пишу примечания, закладываю деревни – Льва Сергеевича выпроваживаю в Грузию». Библеизм «до положения риз» означает «до крайней степени, в высшей степени, до конца». Пушкинское «до низложения риз», использованное в письме, означает «до полного изнеможения».

Свобода, творческий полет, необычность в использовании библейских сюжетов, библеизмов способствовали усилению образности и выразительности того, что создавал поэт. Следует отметить, что подобные индивидуально-авторские трансформации библейских текстов использовались поэтами, писателями и в последующие годы. Пушкинские традиции продолжались.

Литература

1. Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова. – М., 1968.
2. Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. – М., 1997.
3. Великий источник – Библия (библеизмы в нашей речи) // Камчугова И.Д. Библия как великий памятник культуры. Некоторые аспекты проблемы. – Кривой Рог, И.В.И. – 2003.
4. Матвеева Н.П. Библеизмы в русской словесности // Русская словесность. – 1993. - № 2; 1996. - № 2.
5. Пушкин А.С. Полн. собр. соч. В 10 т. – М., 1958.
6. Смирнова-Россет А.О. Прекрасные сны // Слово. – 1989. - № 6.
7. Шестов Л. Наш исцелитель // Слово. – 1989. - № 6.